

Observatoire ARGA

Отчёт по санкциям и комплаенсу за 2025 год

ВОЗВРАТ АКТИВОВ И ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ В ЕВРАЗИИ

Карта Коррупционных Сетей, Механизмов Незаконной Приватизации и Транснационального Давления на Собственников

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA – подразделение по санкциям и комплаенсу

Адрес для корреспонденции: 14 rue Jacques Laffitte, Байонна, 64100

Контакты: info@argaobservatory.org

Париж, 8 ноября 2025

Оглавление

<i>Резюме</i>	3
<i>1. Методология</i>	3
<i>2. Введение: политico-экономическая природа возврата активов в Евразии</i>	5
<i>3. Коррупционная карта Евразии: типологии и структуры</i>	5
<i>4. География ключевых точек финансового давления</i>	7
<i>5. Case Studies</i>	9
<i>6. Каналы и инструменты отмывания капиталов</i>	10
<i>7. Институциональные последствия</i>	12
<i>8. Прогноз 2025–2027</i>	13
<i>9. Рекомендации ARGA Observatory</i>	15
<i>10. Заключение</i>	17
<i>Источники</i>	18

Резюме

Возврат активов, механизмы конфискации, уголовно-правовые преследования по экономическим статьям и кампании по «декриминализации собственности» в Евразии всё чаще функционируют не как правовые инструменты восстановления справедливости, а как механизмы перераспределения капитала, подконтрольного государству или аффилированным группам влияния.

В ряде стран региона — Россия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Азербайджан, Грузия, Белоруссия — наблюдается конвергенция трёх процессов:

1. возврат активов и конфискации становятся политическим рычагом,
2. отмывание денег и вывод капитала выступают реакцией бизнеса на силовой риск,
3. транснациональное преследование используется как способ принудительного управления собственниками.

Незаконная приватизация, рейдерские захваты, квази-правовые процессы по экономическим статьям («мошенничество», «уклонение от налогов», «отмывание денег», « злоупотребление полномочиями») формируют теневой рынок принудительного перераспределения собственности, на котором ключевыми акторами выступают силовые группы, политико-экономические элиты, крупные госкорпорации и аффилированные финтех-посредники.

Доклад ARGA Observatory создаёт карту коррупционных сетей Евразии, анализирует механизмы обналичивания, конвертации и трансграничного передвижения капитала, фиксирует типологию незаконных конфискаций и возврата активов, раскрывает структуру политически мотивированных преследований собственников, а также предлагает новую модель оценки рисков asset-pressure для международных банков, инвестиционных фондов и правозащитных институтов.

Работа формирует основу для разработки международных стандартов противодействия экономически мотивированному преследованию и предлагает аналитические инструменты мониторинга транснациональных схем воздействия на частных владельцев капитала.

1. Методология

Методологическая база исследования носит междисциплинарный характер и построена на сочетании правового анализа, финансовой аналитики, OSINT/FININT-подходов и ончейн-трассировки криптовалютных операций. Основная задача состояла не только в формальном описании отдельных кейсов, но и в выявлении повторяющихся закономерностей, позволяющих реконструировать механизмы принудительного возврата активов, конфискаций, переоформления собственности и связанных с этим схем отмывания капитала.

В рамках исследования проведён анализ уголовных, гражданских и арбитражных дел, связанных с возвратом активов, конфискацией имущества, искаами о «незаконном

обогащении» и легализации доходов. Изучались фабулы дел, динамика обвинений, набор доказательств, состав вовлечённых лиц, процессуальные нарушения, судебные решения и последующее движение активов. Это позволило идентифицировать три устойчивые модели: конфискацию как инструмент санкций, конфискацию как механизм перераспределения собственности и конфискацию как форму политico-экономического давления на владельцев.

Исследование опирается также на данные финансовых разведок стран Центральной Азии, Кавказа и Восточной Европы, включая годовые отчёты о подозрительных транзакциях, статистику STR/SAR и упоминания в отчетах FATF и Moneyval. Сопоставление этих данных с конкретными кейсами позволило оценить, насколько подразделения FIU функционируют как независимые регуляторы и в какой точке они начинают действовать как инструмент селективного давления на бизнес и собственников активов.

Для реконструкции маршрутов вывода средств анализировались данные, связанные с банковскими транзакциями через SWIFT и корреспондентские сети, а также материалы судебных расследований о зеркальных переводах и псевдокредитных схемах. Значимым элементом стало изучение корпоративных реестров в шестнадцати юрисдикциях — от стран СНГ до ЕС, Ближнего Востока и офшорных территорий. Такой анализ позволил установить моменты синхронной смены бенефициаров, совпадающие по времени с возбуждением уголовных дел и конфискациями, что указывает на фактический переход активов к аффилированным властям группам.

OSINT-компонент включал изучение медиа, расследовательских публикаций, корпоративных баз данных и публичных судебных решений, тогда как FININT-анализ позволил структурировать финансовые транзакции, цепочки владения, M&A-сделки и трансграничные переводы. Обе методики использовались в комплексе: OSINT восстанавливал политический и корпоративный контекст, FININT обеспечивал объективное подтверждение финансовой траектории активов.

Дополнительно применялась криптовалютная аналитика, включающая ончейн-трассировку крупных переводов в BTC, USDT, USDC и сопоставление маршрутов через централизованные биржи и ОТС-площадки. Особое внимание уделялось ситуациям, в которых конфискации в национальной юрисдикции сопровождались переводом средств в криptoактивы и последующей репатриацией в третью страны.

Методология была дополнена полуструктурированными интервью с юристами, бывшими силовиками, сотрудниками комплаенс-департаментов, предпринимателями и фигурантами расследований. Это позволило выявить неформальные практики и подтвердить интерпретацию документально зафиксированных данных.

Эмпирическая база исследования сформирована из 131 кейса политических и корпоративно мотивированных преследований за 2017–2025 годы. Отбор осуществлялся по критериям наличия трансграничного компонента, экономических обвинений, участия государства в перераспределении активов и фактического влияния на право собственности. Сравнительный анализ кейсов позволил выделить повторяющиеся модели действий силовых органов и связанных с ними экономических групп и создать универсальную модель оценки рисков возврата активов в Евразии.

2. Введение: политico-экономическая природа возврата активов в Евразии

В странах Евразии, где политические институты остаются уязвимыми, а роль силовых ведомств значительно превосходит влияние судебной системы и гражданских механизмов контроля, процесс «возврата активов» перестаёт быть юридической процедурой в классическом правовом смысле. Он превращается в инструмент управления собственностью, политического влияния и перераспределения капитала. В таких системах конфискация активов не выполняет функцию восстановления справедливости или устранения незаконного обогащения, а становится способом экономического регулирования и принудительного перераспределения собственности в интересах определённых групп влияния.

Ключевым признаком этого процесса является то, что уголовно-правовые механизмы используются как точка входа для вмешательства в экономику, а юридические обвинения — как формальная оболочка для достижения экономических или политических целей. Возбуждение дел о мошенничестве, уклонении от налогов или легализации доходов нередко происходит при отсутствии материального ущерба или доказательной базы, но сопровождается мгновенными мерами пресечения: арестом имущества, ограничением корпоративных прав, блокировкой зарубежных активов и давлением на членов семьи или партнёров. В ряде случаев такие дела сопровождаются медийными кампаниями и международными запросами, что формирует видимость легитимности и уменьшает вероятность судебного сопротивления.

Возврат активов всё чаще сопровождается фабрикацией доказательств, административным давлением, силовым сопровождением корпоративных конфликтов, а также использованием международных инструментов — Интерпола, FIU-запросов, санкционной риторики и правовых поручений — для легализации преследования за пределами государства-инициатора. Таким образом, локальный экономический конфликт становится трансграничным, создавая эффект политической экстерриториальности.

В результате формируется устойчивая модель, которую можно обозначить как «экономику принуждения». В ней активы перестают быть частной собственностью и становятся элементом политического управления: ресурсом для перераспределения влияния, инструментом дисциплинирования элит, способом блокировки эмиграции капиталов и механизмом удержания предпринимателей внутри национальной юрисдикции. Возврат активов в таком виде — не правовой процесс, а управляемый поток, где границы между борьбой с коррупцией, экономической конкуренцией и политическими репрессиями предельно размыты.

3. Коррупционная карта Евразии: типологии и структуры

Коррупционная экосистема Евразии формируется вокруг восьми воспроизводящихся моделей перераспределения собственности и контроля над капиталом. Эти модели

различны по механике, но едины по результату: активы переходят в управление политico-экономических групп, а собственность утрачивает признак неприкосновенности. ARGA Observatory фиксирует, что именно комбинация силового давления, уголовного преследования и транснациональных финансовых инструментов позволяет государственным и окологосударственным структурам доминировать в корпоративной сфере.

3.1. Силовое рейдерство

Наиболее устойчивая модель — захват активов через возбуждение уголовного дела и временный арест имущества. Предприниматель лишается доступа к компании, банковским счетам и корпоративному управлению ещё до приговора, а сам факт возбуждения дела используется как аргумент для переговоров о «добровольной передаче доли». Часто давление усиливается угрозой объявления в международный розыск или инициирования Freeze Actions в зарубежных банках. Таким образом, процесс юридически маскируется под борьбу с экономическими преступлениями, но фактически выступает инструментом принуждения к уступке собственности.

3.2. Корпоративные войны внутри элит

Во втором сценарии государство выступает не арбитром, а инструментом борьбы между кланами, финансово-промышленными группами или политическими центрами влияния. Прокуратура, следственные органы и экономические подразделения силовых структур используются для давления на конкурентов, блокировки сделок, остановки инвестиционных проектов и изменения состава акционеров. Конфликт не исчезает через суд — он перераспределяется силовым способом, где юридический процесс служит лишь фасадом.

3.3. Незаконная приватизация через государственные каналы

Третья модель связана с возвращением активов государству под лозунгом борьбы с коррупцией, а затем — их повторным выводом в пользу аффилированных структур. Активы выкупаются по заниженной стоимости, конкуренты устраняются при помощи уголовных обвинений, после чего предприятие передается в частные руки через офшорные SPV и инвестиционные фонды. «Возврат в госвладение» в таких случаях оказывается промежуточной стадией перераспределения собственности, а не конечной точкой правового процесса.

3.4. Международные схемы отмывания и реинтеграции капитала

Международные финансовые каналы становятся продолжением внутренней коррупционной инфраструктуры. Средства выводятся через транзитные компании в ОАЭ, Гонконге, Сингапуре и странах ЕАЭС, проходят криптовалютные ОТС-цепочки, затем возвращаются через офшорные SPV как «чистый иностранный капитал». В качестве связующего звена используется pseudobanking: финтех-сервисы, частные платежные шлюзы, P2P-сети, которые не попадают под классический банковский надзор и позволяют скрыть происхождение активов.

3.5. Налоговые и экономические обвинения как инструмент давления

Во многих кейсах именно налоговые дела становятся юридическим основанием для ареста активов. Уголовные обвинения по экономическим статьям сопровождаются миллиардными штрафами, блокировкой счетов, репрессией зарубежных активов и принудительными соглашениями с собственниками. Эта модель широко используется для возвращения капитала из-за границы, когда угроза конфискации превышает выгоду владения активом.

3.6. Государственное управление капиталом под видом антикоррупционной политики

В ряде стран Евразии «возврат активов» фактически означает перевод частного бизнеса под прямой или неформальный контроль государства. Формально это подается как восстановление справедливости и борьба с незаконным обогащением, но после изъятия собственность часто переходит под управление государственных корпораций или структур, близких к правящим группам. Таким образом экономика приватизируется политически, а не юридически.

3.7. Давление на трансграничные активы и использование международных механизмов

Значительная часть преследований выходит за рамки национальной юрисдикции. Активы блокируются за рубежом через FIU-запросы, Interpol-notice, судебные поручения и санкционную риторику. Государство инициирует freeze-меры в ЕС, Великобритании, ОАЭ и Швейцарии, создавая трансграничный контур контроля, где собственник теряет способность защитить актив через международное право — именно так возникает экстерриториальный эффект преследования.

3.8. Псевдо-реабилитационные модели возврата активов

Иногда актив возвращается владельцу после «реабилитации», но уже в условиях новой зависимости: с обязательством делиться доходами, уступить часть контроля или работать под надзором государства. Такая модель формирует экономику вассалитета: формально собственность восстановлена, фактически — интегрирована в политический контур управления.

4. География ключевых точек финансового давления

Транснациональное движение капитала в Евразии невозможно рассматривать вне политической конфигурации региона. Государственные и силовые структуры используют уголовные, налоговые и экономические дела как механизм воздействия на активы внутри страны и за её пределами, формируя карту давления, в которой возврат активов нередко становится инструментом перераспределения собственности.

4.1. Россия — центр системного Interpol/AML-pressing

Российская модель возврата активов опирается на широкое применение статей о мошенничестве, налоговом уклонении и участии в «организованной группе». Одновременно масштабная практика заочных арестов позволяет вводить ограничения на собственность предпринимателей без их физического присутствия в стране. Внешние контуры давления укрепляются использованием международных механизмов — красных уведомлений Интерпола, freeze-мер в ЕС/UK/UAE и AML-сигналов в банковские системы. Этот механизм применим не только к политическим оппонентам, но и в корпоративных конфликтах: уголовное преследование превращается в форму коммерческой конкуренции, когда арест активов служит аргументом для пересмотра долей или принудительной сделки.

4.2. Казахстан — конфискация как элемент перераспределения элитных активов

В Казахстане давление концентрируется вокруг дел против бывших чиновников, крупного бизнеса, энергетического сектора и строительных корпораций. Возврат активов сопровождается дискурсом «борьбы за возвращение украденного», однако независимая судебная оценка часто отсутствует, а решения принимаются силовыми органами в оперативном режиме. Конфискации нередко применяются до завершения следствия, а активы переходят под контроль институтов, тесно связанных с государством. Возникает модель, где приватизация и реприватизация чередуются, а капитал движется внутри закрытого круга элит.

4.3. Узбекистан — точка пересечения приватизационных и силовых схем

В Узбекистане ключевой рисковой зоной остаются кейсы, связанные с приватизацией государственных предприятий, крупной промышленностью и недвижимостью. Бизнес, владеющий активами за рубежом, часто сталкивается с преследованием внутри страны, что используется как инструмент репатриации капитала. Возврат активов сопровождается обвинениями в незаконном обогащении, тогда как фактическим результатом становится перераспределение собственности между влиятельными группами. Финансовое давление обеспечивается не только уголовными делами, но и запросами к иностранным банкам, направленными на блокировку счетов.

4.4. Азербайджан — политико-экономическая концентрация контроля

Азербайджан демонстрирует модель, в которой дела против крупного бизнеса, журналистов и оппозиционно настроенных предпринимателей тесно переплетаются с энергетическими интересами государства. Возврат активов используется как механизм контроля над ключевыми ресурсами — нефтегазовыми потоками, инфраструктурой, торговыми сетями. Преследования сопровождаются обвинениями в нарушениях валютного режима, финансировании незаконной деятельности или выводе доходов за рубеж. Финансовые инструменты давления включают трансграничные freeze-меры и selective AML-triggering в ЕС и Турции.

4.5. Грузия и Армения — экономический контроль через финтех-маршруты

В южнокавказском регионе давление проявляется иначе: здесь возврат активов часто связан с корпоративными конфликтами, реструктуризацией собственности и борьбой за влияние в секторах логистики, недвижимости и ВЭД. В Грузии и Армении ключевым компонентом является финтех-инфраструктура: через эти юрисдикции проходят криптовалютные переводы, платежные шлюзы и ОТС-операции, обеспечивающие переводы капитала между СНГ, ЕС и ОАЭ. Возврат активов в таких кейсах — это не только конфискация имущества, но и вмешательство в цифровые маршруты денег, где государственные структуры стремятся сохранить контроль над трансграничными потоками.

5. Case Studies

Case 1 — «Борьба с коррупцией» как инструмент перераспределения активов

Первый тип кейсов фиксируется во всех крупных странах Евразии, но наиболее ярко проявляется в России и Казахстане. Формально процесс начинается как антикоррупционное расследование — возбуждается уголовное дело против собственника крупного актива (завода, агрохолдинга, энергетической компании, девелоперской группы). В публичной коммуникации это описывается как восстановление справедливости и возврат незаконно нажитого имущества.

Но после ареста активов образуется переходная зона контроля, где управление передаётся государственным корпорациям, ФНБ-структуркам или квазипубличным холдингам. При этом доказательная база зачастую ограничена экспертизами, проведёнными самим следственным органом, а оценка ущерба базируется на предположениях о «недополученной прибыли», что позволяет квалифицировать обвинение без факта окончательного убытка.

Ключевой индикатор злоупотребления — финальная точка цепочки. Актив редко возвращается государству как публичный актив. В большинстве кейсов контроль переходит к аффилированным структурам или «приближённой группе» внутри власти. Таким образом, антикоррупционный нарратив маскирует экономическую перестройку собственности, сопровождающую перераспределением доходов и рыночных позиций.

Case 2 — Многоступенчатая международная схема вывода и репатриации капитала

Второй тип — наиболее сложный и характерен для трансграничных дел Узбекистана, Азербайджана и Казахстана. Механизм работает в двух фазах: эвакуация капитала и обратная репатриация под принуждением.

Сначала актив выводится за пределы страны под давлением угроз уголовного преследования: бенефициары используют офшорные SPV-структуры, сингапурские холдинги, «промежуточные» компании в ОАЭ или Гонконге. Далее средства конвертируются в цифровые активы — USDT/USDC — и проходят через ОТС-брокеров, после чего могут вернуться в виде покупки нового актива в третьей стране.

Когда капитал безопасно перемещён, начинается вторая фаза давления. Государство возбуждает дело и направляет запросы на экстрадицию, Interpol Red Notice или FIU-alert. Предпринимателю предлагается досудебное «урегулирование» — фактически принудительный возврат части средств или активов. Формально это выглядит как возмещение ущерба, но де-факто является механизмом возврата капитала в интересахластных групп.

Такие кейсы подтверждают, что международные каналы преследования используются не только для поиска преступников, но и как инструмент экономического шантажа.

Case 3 — Возврат активов через фиктивную процедуру реабилитации

Третий тип кейсов фиксируется в Кыргызстане, России и частично в Грузии. Схема выглядит прогрессивно с правовой точки зрения: государство заявляет о возврате активов, ранее захваченных незаконно или приватизированных группами влияния. Создаются комиссии по реабилитации, озвучивается нарратив «восстановления справедливости».

Но при детализации выясняется, что возврат представляет собой контролируемую внутриэлитную ротацию собственности, где «возмещённый ущерб» не является судебно установленным фактом, а реабилитация используется как юридический инструмент легализации новой структуры владения.

Активы переходят к другому бенефициару — не всегда государственному. Это может быть новый клан, связанный с силовым блоком, или инвестор, способный обеспечить политическую лояльность. Формально — дело закрыто, ущерб компенсирован, собственник реабилитирован. Фактически — произошёл скрытый акт приватизации второго уровня, где роль суда заменяет силовой переговорный процесс, а экономическая справедливость — политическая дисциплина.

6. Каналы и инструменты отмывания капиталов

Отмывание средств в Евразии не является изолированной финансовой практикой — это устойчивая инфраструктура,строенная в механизмы возврата активов, силового давления и перераспределения собственности. Анализ 131 кейса показывает, что независимые элементы системы — корпоративные сделки, банковские транзитные механизмы, криптовалютные каналы — функционируют как взаимосвязанные слои, обеспечивающие скрытое движение капитала между юрисдикциями. В результате создаётся система двойного контура: *юридически оформленного возврата активов внутри страны и реального сохранения капитала за рубежом через финансовые обходные схемы*.

6.1. Корпоративные схемы (контрактные механизмы легализации)

Корпоративный слой представляет собой первичную точку трансформации активов. В большинстве кейсов «легализация» происходит не через прямое снятие средств, а через добавление экономической аргументации к выводу капитала. Используются фиктивные внешнеэкономические сделки, контрактные переоценки, консультационные

и маркетинговые услуги, которые формально создают правовое основание для трансграничного перевода средств.

Ключевыми элементами здесь являются:

- фиктивные сделки на экспорт и импорт, позволяющие оправдать движение средств между связанными компаниями;
- «интеллектуальные», маркетинговые и консалтинговые услуги, которые невозможно количественно проверить, что делает их идеальным инструментом отмывания;
- переоценка или занижение стоимости контрактов, позволяющая выводить капитал, «пряча» прибыль в трансфертных ценообразовательных цепочках.

Корпоративный уровень, таким образом, выполняет функцию «маскировки происхождения активов» — превращения конфискованных, вывезенных или подследственных средств в формально экономические платежи.

6.2. Банковские и финтех-механизмы (транзит и расщепление потоков)

Второй уровень — банковский. Он формирует инфраструктуру транзита капитала, необходимую для перехода от юрисдикции высокого риска к безопасной. Технические процессы выглядят законными: используется система корреспондентских счетов, multi-layer транзитов, распределённых по банкам ОАЭ, Грузии, Армении, Казахстана, Сингапура.

Типовые элементы схем:

- nested accounts — вложенные корреспондентские счета, когда региональный банк проводит транзакции через счёт другого банка в ЕС/США, что скрывает конечного выгодополучателя;
- смешивание потоков (flow-mixing) — объединение легальных и сомнительных платежей, что усложняет AML-идентификацию и снижает эффективность мониторинга;
- финтех-обходные системы — псевдобанковские платёжные шлюзы, предоставляющие анонимизированный транзит активов между корпоративными кошельками.

Этот блок обеспечивает *делокализацию капитала* — активы перестают быть привязаны к конкретной стране и переходят в динамический финансовый контур, который трудно отследить без международного доступа к банковским данным.

6.3. Криптовалютные каналы (децентрализованные механизмы ухода от контроля)

Третий уровень — наиболее быстро развивающийся. После санкций 2022–2024 годов криптовалютные инструменты стали ключевым мостом между активами,

подверженными риску конфискации, и внешними рынками. В отличие от банковской инфраструктуры, криптоканал не требует корреспондентских отношений, не опирается на единый регулятор и позволяет обойти юридический контроль практически полностью.

Типичные элементы:

- USDT-транзит через ОТС-дески Дубая, Гонконга, Алматы, Еревана — основной маршрут сериализованного перевода средств;
- mixing-сервисы и tumbling-алгоритмы, делающие кошельковую трассировку неполной или ложной;
- P2P-биржи и custodial-free обменники, позволяющие переводить активы вне банковской системы, без KYC-идентификации.

Криптосягмент выполняет функцию *финансового буфера*. Через него капитал может временно «терять юрисдикцию», уходя в децентрализованное пространство, а затем возвращаться, приобретая активы в третьих странах без следов происхождения.

7. Институциональные последствия

Исследование показывает, что процессы возврата активов и сопровождающие их механизмы отмывания капитала имеют не частный, а системный характер, формируя новую институциональную конфигурацию политической и экономической власти. Воздействие этих практик выходит за пределы отдельных уголовных дел и влияет на устойчивость финансовых систем Евразии, международную безопасность и трансграничный режим защиты собственности.

7.1. Снижение доверия к национальным судебным системам

Когда возврат активов осуществляется не как правоприменительная мера, а как результат политических или клановых интересов, бизнес и частные владельцы перестают воспринимать государство как гарант прав собственности. Судебные решения в таких условиях рассматриваются не как механизм справедливости, а как инструмент перераспределения капитала. Это стимулирует переход активов в офшорные и квазиоффшорные юрисдикции, создаёт устойчивый отток средств, формирует экономику внешнего хранения капитала и усиливает разрыв между национальными правовыми системами и глобальными финансовыми потоками.

7.2. Рост Interpol Abuse и трансграничного принуждения

Снижение доверия к внутренним институтам сопровождается переносом силового давления во внешнюю плоскость. Государства всё чаще используют Интерпол, экстрадиционные механизмы и запросы FIU как продолжение внутренних корпоративных и политических конфликтов. Международные инструменты, предназначенные для борьбы с преступностью, преобразуются в канал давления на предпринимателей, бывших чиновников и владельцев активов за рубежом. Это

приводит к перегрузке ССР, росту количества блокировок запросов и снижению эффективности глобальной системы международного правового сотрудничества.

7.3. Риск финансовой нестабильности и расширение теневой экономики

Уход капитала в теневой сектор порождает фрагментацию финансовых потоков: активы выводятся из банковской системы, дробятся, переводятся через P2P-каналы, криптовалютные ОТС-дески и офшорные цепочки. Государство теряет контроль над налогооблагаемой базой, финансовые регуляторы — над движением средств, а международные банки — над качеством рисковых профилей клиентов. На макроэкономическом уровне это увеличивает вероятность валютных шоков, банковских кризисов и каскадных дефолтов, поскольку значительная доля капиталов перестаёт проходить через формальные каналы.

7.4. Укрепление коррупционных и силовых сетей как альтернативных институтов власти

Возврат активов и конфискации, осуществляемые вне прозрачных процедур, формируют симбиотическую систему между силовыми группами, политическими кланами и бизнес-структурами. Те, кто контролирует уголовные дела и доступ к международным механизмам розыска, фактически контролируют перераспределение собственности. В результате коррупция перестаёт быть побочным эффектом и превращается в *структурный элемент управления экономикой*. Институты права вытесняются институтами принуждения, а экономическая безопасность бизнеса становится зависимой от политической лояльности и участия в неформальных сделках с государственными акторами.

8. Прогноз 2025–2027

Текущая динамика процессов возврата активов и их трансграничного перераспределения позволяет прогнозировать, что ближайшие три года станут фазой институциональной перегруппировки. Риск-модели, разработанные ARGA Observatory, указывают на усиление цифровых каналов отмывания, рост международных судебных споров и постепенное вовлечение глобальных акторов в системную оценку злоупотреблений.

8.1. Усиление цифровых каналов отмывания и крипто-государственных инструментов

С высокой вероятностью криптовалютные инструменты перестанут быть преимущественно частным сектором и станут элементами государственного капитала-контроля. В ряде стран Евразии возможен переход к:

- созданию государственных криптобирж для вывода средств под видом официальных операций,
- внедрению CBDC как механизма скрытого мониторинга транзакций,

- формированию гибридных схем, где цифровые активы используются как *буфер между конфискацией и репатриацией капитала*.

Это приведёт к усложнению FININT-анализа и смещению криминальных потоков из банковского сектора в on-chain инфраструктуру.

8.2. Вторичные санкции против структур, участвующих в силовом перераспределении собственности

ЕС, США и Великобритания с высокой вероятностью начнут применять модели санкций не только к государственным лицам, но и к:

- квази-государственным фондам и корпорациям,
- юридическим посредникам возврата активов,
- структурам, участвующим в рейдерстве, псевдопrivатизации и Interpol abuse.

Это станет прецедентом, когда возврат активов будет рассматриваться не как антикоррупционная мера, а как экономический инструмент давления, заслуживающий международной правовой реакции.

8.3. Рост количества международных кейсов защиты предпринимателей и юридических исков

К 2027 году ожидается формирование *нового слоя транснациональной адвокатуры* — команд, специализирующихся на:

- отмене красных уведомлений Интерпола,
- оспаривании конфискаций в иностранных судах,
- возврате активов через арбитраж и международные трибуналы,
- создании прецедентов по защите от политически мотивированных дел.

Это приведёт к глобализации права собственности и расширению судебной практики в пользу инвесторов.

8.4. Формирование глобального реестра рейдерских юрисдикций

На уровне правительств и аналитических центров вероятно появление международного risk-index — перечня стран, где:

- возврат активов используется как форма перераспределения собственности,
- судебная система не обеспечивает due process,
- коррупционные группы контролируют экономические решения.

Такой реестр станет инструментом комплаенса и может быть интегрирован в KYC/AML scoring банков, OFAC screening и Interpol risk review, что изменит режим доступа капиталов к западной инфраструктуре.

8.5. Укрепление роли международных правозащитных структур и наднациональных механизмов контроля

Ожидается рост влияния:

- UN Working Group on Arbitrary Detention,
- Council of Europe Human Rights Directorate,
- International Bar Association,
- неправительственных центров, документирующих Interpol abuse и рейдерство.

Их аналитика станет самостоятельным регуляторным инструментом, а вмешательство в экономические преследования — нормой, а не исключением. В этой модели контроль над активами перемещается из национального уровня в надгосударственную плоскость, что требует реформы глобальной финансовой архитектуры.

9. Рекомендации ARGA Observatory

Реформирование практик возврата активов и противодействие коррупционно-рейдерским механизмам требуют системных изменений на уровне международного регулирования, санкционной политики и научно-аналитического сопровождения. Ниже представлены стратегические направления, реализация которых способна снизить масштаб злоупотреблений в Евразии и повысить устойчивость глобальной финансовой системы.

9.1. Международным организациям (UN, OECD, FATF, Council of Europe)

Международные институты должны перейти от наблюдательной модели к модели активного вмешательства и аналитической стандартизации. ARGA Observatory предлагает:

- создать индекс коррупционно-рейдерского давления (COR-INDEX) — метрику, которая измеряет вероятность силового перераспределения собственности, злоупотреблений FIU и Interpol, а также масштабы политически мотивированных конфискаций;
- включить Interpol Abuse и Forced Asset Recovery в ежегодные отчёты FATF, OECD, UNODC, формируя формальный правовой контекст для санкций и финансовых ограничений в отношении юрисдикций-нарушителей;
- расширить мониторинг трансграничных дел о конфискации, особенно если обвинения в легализации средств сопряжены с политическим конфликтом, корпоративными войнами или вмешательством спецслужб;
- инициировать международный механизм peer-review возвратов активов, аналогичный оценке AML-регулирования FATF, с публикацией оценок прозрачности, процедур и рисков давления на бизнес.

Эти меры позволяют институционализировать анализ проблемных юрисдикций и создать формальные основания для международного правового ответа.

9.2. Государствам ЕС, США и партнёрским юрисдикциям

Западные регулирующие органы обладают ресурсами для ограничения экономического давления, исходящего из евразийских государств. Рекомендуется:

- ввести адресные санкции против структур, участвующих в рейдерских конфискациях, включая судей, следователей, силовые группы, аффилированных адвокатов, а также посредников, участвующих в перераспределении активов;
- усилить контроль происхождения активов (Asset Provenance Screening) — обязательная проверка бенефициаров, истории собственности, источников капитализации при выходе на рынки Европы или США;
- создать механизм независимого международного аудита конфискаций, доступного предпринимателям и юридическим фирмам в случаях подозрения на политическую или силовую мотивацию;
- интегрировать риск-метрики по рейдерским юрисдикциям в KYC/EDD банков, что позволит блокировать активы до их легализации в западной финансовой экосистеме;
- ввести вторичные санкции за Interpol Abuse, если запросы розыска используются как инструмент давления, а не как правоохранительный механизм.

Эти инструменты создают систему сдерживания, где экономические репрессии внутри одной страны трансформируются в международный юридический риск.

9.3. Аналитическим центрам, исследовательским платформам и университетам

Научное и экспертное поле должно выработать независимую методологию исследования возврата активов, отмывания и силового перераспределения собственности. Рекомендуется:

- формировать международные базы данных кейсов с полной реконструкцией фактов: хронология, доказательная база, движение активов, участие государства, политический контекст, транснациональные элементы давления;
- развивать финансовую криминологию Евразии как отдельное направление академических исследований, включающее аналитику гос-захвата, злоупотреблений Interpol, псевдо-антикоррупционных операций;
- расширять компаративный анализ юрисдикций — оценка правовых систем России, Казахстана, Киргизстана, Узбекистана, Азербайджана, Грузии и Белоруссии должна учитывать не только закон, но и реальную правоприменительную практику;
- создавать типологии рейдерских механизмов, привязанные к экономическим секторам, политическим циклам и форме участия государства;
- интегрировать OSINT/FININT/CRPTINT-методы в исследовательскую работу университетов: трассировка активов, ончайн-аналитика криптопереводов, анализ цепочек собственников и трансграничных судебных решений.

Эти шаги позволяют сформировать долгосрочный академический корпус, способный документировать нарушения и служить инструментом защиты собственности в международных судах.

10. Заключение

Возврат активов, конфискации и механизмы финансового давления в странах Евразии перестали быть исключительно правовыми инструментами и превратились в самостоятельный элемент политico-экономического управления. В контексте слабой институциональной независимости, клановой конкуренции и селективного правоприменения эти процессы функционируют как механизм перераспределения собственности, перераспаковки капитала и принудительного контроля над предпринимателями в интересах узких групп влияния.

ARGA Observatory фиксирует, что логика возврата активов в регионе всё чаще не совпадает с принципами верховенства права, а становится каналом реинжиниринга собственности, который сопровождается:

- криминализацией частного бизнеса в условиях политической турбулентности;
- использованием FIU, Интерпола и трансграничных жалоб как инструмента давления;
- легализацией рейдерских захватов под видом антикоррупционных кампаний;
- созданием параллельных финансовых экосистем, связанных с крипто-маршрутами, офшорами и серыми банковскими каналами.

Возникает новая архитектура управления капиталом — гибридная модель, в которой судебные решения, финансовые расследования, международные запросы и технические механизмы AML/EDD используются для экономического принуждения и перераспределения собственности. В этих условиях возврат активов становится не финалом уголовного процесса, а его отправной точкой — средством давления, торга и перераспределения ресурсов в пользу государственных и аффилированных центров власти.

Доклад формирует аналитическую основу для понимания этих процессов, задаёт методологию исследования коррупционно-рейдерских схем и предоставляет направления реформ, необходимых для стабилизации рынка собственности и укрепления транснациональных механизмов справедливости. Сдерживание данных практик требует:

- международной стандартизации подходов к проверке предикатов;
- внешнего контроля качества расследований и конфискаций;
- прозрачности происхождения активов и цифровых платежных следов;
- мониторинга Interpol Abuse и финансовых репрессий против собственников.

Возврат активов и отмывание денег в Евразии — это не периферийная аномалия, а центр новой политico-экономической системы, влияющей на архитектуру международного права, глобальную финансовую безопасность и право собственности как институт цивилизации. Только интегрированная реакция международных акторов, научных центров и финансового сектора способна изменить траекторию этих

процессов и предотвратить превращение Евразии в устойчивую зону экономической экстерриториальности, где сила подменяет право, а конфискация — формальную справедливость.

Источники

1. UNODC, Study on Illicit Financial Flows Associated with Smuggling of Migrants and Trafficking in Persons from GLO.ACT Partner Countries to Europe, https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/IFF/GLOACT_Study_on_Illicit_Financial_Flows.pdf.
2. Larissa Gray, Kjetil Hansen, Pranvera Recica-Kirkbride, Linnea Mills, 2014, https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2014/09/few-and-far_g1g49230/9789264222311-en.pdf.
3. The World Bank, UNODC, Annual Report, 2022, <https://star.worldbank.org/sites/default/files/2023-03/StAR-annual-2022-06.pdf>.
4. Transparency International, Exporting Corruption 2022: Assessing Enforcement of the OECD Anti-Bribery Convention, 11 October 2022, <https://www.transparency.org/en/publications/exporting-corruption-2022>.